

Глава 1

— **Т**ак какой он на самом деле, этот твой Харрисон?
Водка у меня во рту едва не улетает на пол. Удержав, проглатываю и поворачиваюсь к Чайне. Она сидит на краю столешницы, в окружении бутылок, болтает ногами и, стараясь не рассмеяться, вскидывает бровь. Только что мы гадали, где другие девчонки покупают такой клевый прикид, и вдруг этот поворот.

С равнодушным видом поднимаю бокал — немного содовой и много дешевой водки — и пожимаю плечами.

— Выше среднего. Определенно себе на уме. Точно знает, что делает.

Чайна отпускает наконец смешок.

— Я имела в виду, как личность.

— А, скучноват.

Бросаю быстрый взгляд в гостиную. Терпеть ее не могу, но, надо признать, Мэдисон Роуми всегда закатывает классные вечеринки, когда родители уезжают из города по делам. Сейчас они во Флориде, так что дом Роуми временно превратился в центр общественной жизни. Сегодня

здесь весь наш класс — толпа народу, все снуют туда-сюда и кричат, не слыша друг друга. Музыка бьет по ушам, глухо ухают басы. Вместить такую вечеринку может только дом Мэдди Роуми. Такую — это где не кончается выпивка, куда не нагрянут без предупреждения родители, где все на все согласны и ко всему готовы. Поначалу бывало весело, но теперь как-то... предсказуемо. А предсказуемое скучно. Перевожу взгляд на Харрисона Бойда. Он подпирает дальнюю стену, потягивает пиво и перебрасывается шуточками с ребятами из футбольной команды. Трет висок. Как всегда. Вот поднимает голову, шарит глазами по толпе и замечает, что я наблюдаю за ним. Глуповато ухмыляется и многозначительно подмигивает. Мы с ним тусуемся последние два месяца, и мне не надо гадать, что означает это подмигивание. Оно тоже такое знакомое, такое привычное и расшифровывается просто: в какой-то момент пробуемся наверх. И там его губы найдут мои.

Расчетливо-жеманно я улыбаюсь в ответ, отбрасываю за плечо волосы и переключаюсь на Чайну. Харрисон не единственный, кто умеет флиртовать.

— Мне и дальше играть недотрогу?

— Можешь попробовать, — говорит Чайна, соскальзывая со столешницы, — но ты же все равно растаешь, как только он начнет шептать тебе на ушко милые нежности. — Она наклоняется ко мне и грубоватым голосом добавляет: — *Эй, Ванесса. Это я, Харрисон. Как делишки, крошка?*

Я отталкиваю ее и приглушенно хихикаю.

— Шшш! — Ребята на кухне посматривают на нас как-то странно. Какого-то особенного секрета из флирта с Харрисоном Бойдом я не делаю, но чтобы все были в курсе моих дел, мне тоже не надо. Допиваю свой коктейль и бросаю стаканчик в мусорную корзину.

— Пойду поговорю с ним. — Я ерошу волосы, встряхиваю резвыми кудряшками и достаю тюбик блеска для губ. Хочу предстать перед Харрисоном в наилучшем виде. Весь вечер мы старательно избегали друг друга, и, однако ж, мне снова приходится уступить и сделать первый шаг. Как было бы здорово, если бы он, пусть иногда, брал инициативу на себя, но Харрисон слишком самоуверен, чтобы бегать за кем-то.

— Иди, девочка, давай, — подбадривает меня Чайна. — Исайя обещал забрать нас потом, так что не пропадай, ладно? И... ох, будь осторожна.

— Как обычно. — Я выпячиваю губки и посылаю ей с ладони воздушный поцелуйчик. Она ловит его и делает вид, что прячет под платье, а потом посылает ответный. Мы всегда так делаем.

В девятом классе отец Чайны получил новую работу в Цинциннати, и в день отъезда мы обменялись такими же вот поцелуями, пообещав, что спрячем их и будем хранить вечно. Так вот и распрощались, но через три месяца ее папа бросил свою новую работу, и Тейты вернулись домой. С тех пор мы с Чайной так и продолжаем посылать друг дружке поцелуйчик.

Я выхожу из кухни и иду к Харрисону. Скоро полночь, и за нами заедет брат Чайны, так что времени у меня нем-

ного. Кто-то уже свалился на диван и борется со сном, но у большинства кайф еще не выветрился. Настроение у меня боевое, и момент сейчас вполне подходящий, чтобы заявить свои намерения. Мы с Харрисоном всегда изображаем из себя недотрог, флиртуем на расстоянии, делаем вид, будто ничего не происходит, но при этом оба знаем, что неизбежное скоро случится: я сорву одежду с него, и он сорвет одежду с меня.

Приближаюсь к Харрисону и его друзьям и, чтобы чем-то занять руки, трогаю волосы и поправляю юбку, подтягиваю ее чуть повыше, но...

О!

Налетаю на что-то, содержимое стакана выплескивается на меня, а сам стакан падает на пол между мной и препятствием. Поле зрения резко расширяется, Харрисон отступает на задний план, и я нацеливаю взгляд на того, кто стоит передо мной.

Узнаю его не сразу, что необычно, потому что в старшем классе новичков нет. Он делает шаг в сторону и смотрит вниз, на растекающееся по джинсам темное пятно.

— Ванесса. — Голос строгий, как у приходящей няни, отчитывающей едва начавшего ходить малыша. Чайна подходит ко мне сзади, берет за локоть, тянет назад и еще извиняется за меня, но уже другим, застенчиво-мягким тоном: — Не обижайся, она немного неловкая. — И, наклонившись, шепчет мне на ухо: — Смотри, куда идешь, подруга.

Парень поднимает голову, смотрит на меня, и, хотя его лицо прямо передо мной, я все равно его не узнаю. У него

ясные голубые глаза, теплая, с бронзовым оттенком кожа и вьющиеся волосы, короткие по бокам, гуще и подлиннее сверху. В Уэстервилль-Норт он определенно не учится — в противном случае я бы точно его запомнила.

— Да, Ванесса, — насмешливо говорит незнакомец с ударением на мое имя, и в его голосе не раздражение, а интерес и любопытство. Он сводит брови, и я замечаю на одной из них выбритую вертикальную полоску. — Осторожнее! — Губы ломаются в усмешке; он проходит мимо и смешивается с толпой на кухне.

Я принохиваюсь, втягиваю оставшийся запах одеколона, пока он не испарился, моргаю и поворачиваюсь к Чайне.

— Это еще кто?

— Какая разница? — Она кивает в сторону гостиной, куда я вроде бы держала путь. — Ты идешь к Харрисону или нет?

Да, точно. Харрисон.

Секундная пауза — успокоиться и собраться с духом, — и я беру прежний курс. Харрисон с приятелями все так же перебрасываются шуточками. Я проталкиваюсь между Ноа Диасом и Энтони Винсентом, и Харрисон тут же встречает меня взглядом.

— Эй, Харрисон, тут за тобой пришли. — Энтони толкает приятеля в плечо. Ноа молчит, но опускает глаза и потягивает пиво. Не так уж давно я крутила с ним. Но это уже неважно. Парни знают правила. Знают, что это только флирт, а флирт со мной всегда имеет срок действия.

— Не будь таким ревнивым, Энт, — усмехаюсь я и, положив руку ему на плечо, чмокаю в щеку.

— Эй! — подает голос Харрисон и с притворным недо-вольством поджимает губы, но я вижу, как они разъезжа-ются в стороны. Что самое лучшее во флирте? В нем нет ревности. Контролировать чье-то поведение бессмысленно. Мы ничего друг другу не должны.

Я смотрю на него, чуть склонив голову набок, и стараюсь удержать нейтральное выражение. Он смотрит на меня.

— Тебе что-то надо?

Харрисон наконец-то ухмыляется, хватая меня за за-пястье и тянет к себе. Я прижимаюсь к его груди. Наши глаза — две пары зеркал, его губы в нескольких дюймах от моих. Он кладет мою руку себе на шею, и я ощущаю теплую энергию его кожи.

— Ты что, избегала меня? — мурлычет Харрисон мне на ухо. Из-за музыки его почти не слышно.

— Могу задать тот же вопрос. — Я легко касаюсь губами его губ, дразню и для пущего соблазна чуть выразительнее, чем обычно, хлопаю ресницами. Ноа и Энтони сдвигаются в сторонку, чтобы не мешать, хотя народу вокруг и без них хватает. Впрочем, никому до нас дела нет. Вечеринки ведь для того и устраиваются. Могу поклясться, Марк Петерсон и Элли Форд всего секунду назад тискались на диване.

— О'кей, — говорит вдруг Харрисон и, взяв меня за под-бородок, поглаживает большим пальцем по щеке. — Хватит ерундой заниматься. — От него несет пивом, и я чуточку отстраняюсь. Он щурится и лениво, самодовольно улыбает-ся. — Я первый наверх, или ты дорогу покажешь?

Повторять не надо. Проскучав весь вечер, хочется че-го-то поострее. Я поворачиваюсь и, не выпуская руки

Харрисона, ташу его за собой через гостиную. Вторую руку он сунул за пояс моей юбки, и его ладонь обжигает кожу. Замечаю, что Ноа наблюдает за нами от дальней стены. Да и другие тоже.

— Какого черта им надо? — взрывается вдруг Харрисон и, отпустив мою руку, обгоняет меня и топает дальше.

Я смотрю ему вслед — что ж такое отвлекло его от меня? — и замечаю, что на кухне назревает заварушка. К месту происшествия уже устремилась живая волна, но кое-что разглядеть удастся. Судя по всему, на огонек пожаловали парни из соперничающей футбольной команды. Понятно, что никто их не приглашал, и здесь им не рады.

Соперничество между «южными», «северными» и «центровыми» в Уэстервилле словами не ограничивается. Особенно между «северными» — это мы — и «центровыми». В прошлый уик-энд мы играли против «центровых». Вообще-то я к футболу равнодушна, но на ту игру пошла, потому что потом собиралась встретиться с Харрисоном. Разумеется, мы им влетели — команда у нас дохлая, — но украшением матча стала стычка на поле в третьей четверти.

Похоже, до конца отношения так и не выяснили.

Я проталкиваюсь сквозь толпу к Харрисону, но рядом тут же возникает Чайна. Она так трясет головой, что ее косички хлещут меня по лицу.

— Никогда, наверно, не пойму, почему парни ведут себя так, словно они уже в НФЛ¹. — Я слушаю ее вполуха и, привстав на цыпочки, пытаюсь понять, далеко ли зашло

---

¹ НФЛ (*англ.* NFL) — Национальная футбольная лига.

дело. — Это же не всерьез, но для ущемленного самолюбия стоящее развлечение.

— Там «центровые», правильно?

— Ну да. И если мне только будет позволено, замечу, что их команда круче нашей. — Она картинно обмахивается ладошкой. — Рассел Фредерик, это же... Ух! Ну как можно отказать этому рыженькому.

Как раз сейчас Рассел Фредерик принял боевую стойку и наступает на Ноа Диаса. Футбола в средней школе не бывает без того, чтобы квотербеки соперничающих команд не сцепились друг с другом. Уверена на все сто, есть где-то такие правила, выбитые на мраморной плите. За спиной Рассела поддержка — с поддюжины «центровых». За Ноа — наши ребята. Харрисон.

— Приложили вас... жестко, — говорит Рассел. Этот парень, он просто вытесан из камня, честное слово. Плечи широкие, как мост. Смотрит с издевкой на Ноа. — Я бы тоже плакал.

— Хочешь, чтобы я тебе нос подровнял? — парирует Ноа и сжимает кулаки; готов ответить, если допекут, не только словами. Продолжение следует — кто-то сопит, кто-то бурчит. Противники обмениваются оскорбительными и язвительными репликами.

Зеваю. Я так погрязла в унылой рутине, что даже этот спектакль в декорациях вечеринки уже нисколько меня не трогает.

— Эй, Харрисон, хочешь словить еще? — кричит один из «центровых». Я отыскиваю источник звука и обнаруживаю того самого парня с бронзовой кожей и приятным запахом

одеколону, на которого наткнулась пару минут назад. Вот, оказывается, почему я его не знаю, — он учится в Уэстервилль-Сентрал, а сюда появился с остальными футболистами, заранее планируя устроить разборки. И вот теперь он задирает не кого-нибудь, а именно Харрисона.

Идея далеко не самая лучшая. Как обычно, когда его провоцируют, Харрисон подается вперед — вот уж у кого кулаки чешутся. В той стычке в прошлый уик-энд ему разбили губу — возможно, этот самый парень, который и сейчас выбрал его мишенью для своих выпадов. Ту разбитую губу я весь вечер лечила поцелуями. Может быть, сегодня придется повторить.

Харрисон бросается к противнику, и все остальные, будто только этого и ждали, приходят в движение. Я равнодушно наблюдаю за тем, как Ноа врезается в Рассела, как Энтони пронзает кулаком пустоту и как Харрисон хватается своего загадочного оппонента, который явно имеет к нему какие-то претензии. *Мальчишки*. Иногда я их просто терпеть не могу. Они так болезненно самолюбивы, так отчаянно рвутся показать себя.

Все кричат, толкаются, наших парней призывают выместить «центровых» вон и вообще всячески подталкивают к тому, чтобы перейти к более активным действиям. Лишь две девчонки просят ребят остановиться, подавляющее же большинство даже не пытаются вести себя как цивилизованные люди. Я не вмешиваюсь и довольствуюсь тем, что наблюдаю за Харрисоном. Ему удалось прижать противника к стойке и провести захват, но тот ловок и быстр. Вывер-

нувшись, он выплескивает в грудь Харрисону содержимое попавшей под руки чашки.

В шум сражения врывается пронзительный голос Мэдди Роуми, которая вторгается в заполненную народом кухню.

— А ну-ка прекращайте! Да мои родители четвертуют меня, если вы разгромите дом! Хватит! — Она размахивает руками, но кто станет внимать ее мольбам? Неожиданно для меня драчуны опускают руки и замирают на месте. Раскрасневшийся от злости Харрисон смотрит на свою мокрую футболку. — Хочется продолжить, вываливайте на улицу! Здесь сегодня у «северных» вечеринка. Не у «южных» и уж точно не у «центровых». — Мэдди морщит нос и решительным жестом указывает на дверь. Ее твердость и самообладание производят сильное впечатление. — Кого не звали — уходите.

Незванные гости уходят, толкаясь и огрызаясь. Обидчик Харрисона с ухмылкой, приглаживая волосы, проходит мимо него. В какой-то момент он поднимает голову и смотрит на меня, откровенно и пристально, и от этого взгляда в животе у меня все переворачивается. Парень быстро отводит глаза. Жаль, не знаю, как его зовут, — если вдруг вспомню, то лишь как красавчика, у которого я выбила стакан из рук.

Они уходят, как стая волков, недовольно рыкая. Дверь закрывается за последним, и все выглядит так, словно их и не было. Снова гремит музыка, толпа на кухне понемногу рассеивается, слышен смех.

— Пойду Харрисона утешать. Поглажу его растрепанное это, — шепчу я Чайне. Подруга смеется и, поигрывая иде-

ально нарисованными бровями, подталкивает меня в его направлении. Только это лишнее — я и без нее знаю, что делаю.

— Кай Вашингтон, — бормочет Харрисон, когда я подхожу ближе. Разглаживает мокрую, облепившую рельефный торс футболку. — Представляешь, начал меня толкать...

Вот, значит, как его зовут, думаю я. *Кай Вашингтон*.

Пытаюсь не отвлекаться, сосредоточить внимание на Харрисоне, но до его футбольных страстей мне дела нет, и, прежде чем он успевает сказать что-то еще, быстро говорю:

— Да ладно, какая разница? В любом случае я эту футболку с тебя сниму.

Не давая опомниться, беру его на буксир и тащу за собой к лестнице. К черту эту выдохшуюся вечеринку — мне не терпится оказаться в его объятьях. После стычки в нас обоих бурлит энергия — в крови у Харрисона гуляет адреналин, а я словно зарядилась от того откровенного взгляда, который бросил на меня парень с бронзовой кожей. *Кай Вашингтон*. Стараюсь прогнать это странное, тревожное ощущение и полностью переключиться на Харрисона.

Торопясь, спотыкаясь, поднимаемся по ступенькам. Мы оба не вполне трезвы, но так нам даже больше нравится. Мэтт Петерсон и Элли Форд тоже переместились с дивана наверх и теперь обжимаются у стены. Нас с Харрисоном парочка не замечает, и мы проскальзываем мимо и вваливаемся в первую попавшуюся комнату.

Я не включаю свет и не думаю, куда мы попали. Тяну Харрисона к себе, мы сталкиваемся, и его губы находят мои.